

Н. В. БАЛАШОВ

(Любытино)

**Иов «с подлейшими примечаниями»:
что же читал Достоевский?**

Вопрос о влиянии книги Иова — одной из любимейших книг Достоевского — на творчество писателя совершенно естественно привлекает и, видимо, будет еще привлекать внимание исследователей. Так, в 11-м томе сборника «Достоевский. Материалы и исследования» появились сразу две интересные статьи на эту тему.

Автор одной из них, г-жа Н. Ефимова¹, задается, между прочим, вопросом: на каком языке Достоевский читал Библию и, в частности, книгу Иова?

Вопрос этот возникает в связи с письмом Достоевского к жене из Эмса, написанным 10/22 июня 1875 года, в период работы над «Подростком»: «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу по комнате, чуть не плача, и если б только не подлейшие примечания переводчика, то, может быть, я был бы счастлив. Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!» (29₂; 43).

Вопрос Н. Ефимовой распадается на две части: 1) на каком языке Достоевский читал Библию в России — когда был «почти младенцем», 2) что за перевод с «подлейшими примечаниями» читал он в Эмсе? Ответ американской исследовательницы на первую часть вопроса таков: «Очевидно, Достоевский впервые познакомился с книгой Иова на церковнославянском языке. В это время ему было восемь лет»².

Основаниями для такого заключения служат следующие факты:

— русского перевода Ветхого Завета во времена детства Достоевского еще не было;

— отец Достоевского был глубоко религиозным человеком и в письмах к жене использовал церковнославянские выражения.

А книга, читанная Достоевским в Эмсе, по мнению Н. Ефимовой, «скорее всего была французским переводом Леруа, изданным во Франции в 1865 г.»³. Первый ответ мне представляется крайне маловероятным, второй же очевидно неверным. Из воспоминаний А. М. Достоевского хорошо известно, что у Федора Михайловича, как и у его братьев, первой книгой для чтения было переложение Иоганна Гибнера «Сто четыре истории Ветхого и Нового Завета» в русском переводе М. Соколова⁴. Известно также, как счастлив был Достоевский, когда много лет спустя он смог вновь приобрести эту самую книгу, столь памятную ему по детским годам. Одно уж это говорит о том, какое впечатление она на него произвела. Не случайно соответствующий автобиографический эпизод Достоевский включает в рассказ старца Зосимы, который по той же самой «священной истории» читать учился, а потом до конца жизни хранил ее на полке «как драгоценную память» (14; 264).

А дальше старец рассказывает эпизод (по воспоминаниям Анны Григорьевны — тоже автобиографический⁵), в котором он «до того еще, как читать научился (...) еще восьми лет отроду» слышал в храме в Страстной понедельник чтение книги Иова и его «посетило (...) некоторое проникновение духовное». Зосима пересказывает затем слышанный им текст I главы книги Иова.

И тут мы убеждаемся: хотя автобиографическая основа эпизода и возможна, но слышанное в храме в Страстной понедельник чтение могло поразить мальчика Достоевского только в том случае, если читать-то он уже умел и историю Иова уже знал. Потому что на литургии Преждеосвященных Даров в Великий понедельник читаются только первые 12 стихов книги Иова. А следующая половина главы, где описываются постигшие Иова бедствия, читается на следующий день. За один раз услышать в церкви все, что пересказывает Зосима, было невозможно.

Итак, я полагаю, что в детстве Достоевский знал книгу Иова только в сокращенном пересказе Гибнера. Да и трудно предположить, что, будучи «почти младенцем», он мог бегло читать по-славянски сложный ветхозаветный текст. Даже намного позднее он, за неимением русского, предпочитал славянскому французский перевод Библии — судя по письму к М. М. Достоевскому из Петропавловской крепости (28; 158—159).

Последнее обстоятельство, казалось бы, делает правдоподобной версию, что и в Эмсе Достоевский читал Иова по-фран-

цузски — хотя к этому-то времени были уже опубликованы по меньшей мере четыре русских перевода этой библейской книги. Были, конечно, и французские — в том числе известный перевод Э. Ренана, изданный в 1859 году. Но вот «перевода Леруа» мне среди них обнаружить не удалось.

Правда, известный французский социалист Пьер Леру (Leroix) выпустил двумя изданиями: в 1866 (а не в 1865) и в 1867 гг. — пятиактную драму «Иов». Она была замечена критикой. Т. де Банвиль усмотрел в ней замечательное поэтическое видение будущего. А Герцен в «Былом и думах» назвал ее «бредом поэта-лунатика, у которого в мыслях остались факты и строй, упования и образы, но смысла не осталось»⁶. В этой драме на сцене, кроме Иова и его троих друзей, появляется Прудон... происходит переселение душ... и т. п.

Как справедливо отмечено в комментарии Полного собрания сочинений (см.: 24; 420), нет никаких доказательств того, что Достоевский читал пьесу Леру, хотя, вероятно, читал отзыв Герцена. Впрочем, предположение, что именно «Иов» П. Леру приводил в «болезненный восторг» Достоевского в Эмсе, впервые, видимо, тоже было высказано в комментариях того же собрания (см.: 17; 243). Г-жу Н. Ефимову, может быть, ввели в заблуждение слова «traduit littéralement sur le texte hébreu», смело выставленные Пьером Леру на титульном листе его сочинения. Право, не стоило принимать их так всерьез.

Книга же, которую Достоевский читал в Эмсе, известна по описанной Л. П. Гроссманом библиотеке Достоевского. То была «Книга Иова в русском переводе с краткими объяснениями», напечатанная в Вятке двумя изданиями в 1860 и 1861 гг.⁷ Название тоже несколько обманчиво: объяснения, помещенные под строкой перевода, не такие уж краткие. Во всяком случае они в несколько раз превосходят объем библейского текста. Попадают среди них на редкость многословные, не очень уместные, порою даже смешные. Вот, например, объяснение к главе 20, ст. 12: «Кто взял в рот сладкий кусок, тот не выбрасывает его, но долго жует и крепко держит его во рту, дабы долее вкушать сладость его и ощущать приятное щекотание»⁸.

Что намного важнее, встречаются здесь и такие «объяснения», в которых комментатор, по сути дела, склоняется на сторону Елифаза и принимается вместе с ним судить Иова, проявляя крайнюю нечуткость к столь волновавшей Достоевского проблеме невинных страданий. Менторский тон этих коммента-

риев показывает, что для их автора и проблемы-то такой, видимо, не существовало.

«Елифаз довольно ясно дал заметить Иову, что он заслужил своими грехами потерю детей, имения и здоровья. Из этого он заключает, что Иов без причины жалуется на свою судьбу и что ни одно разумное существо не может уважить этих несправедливых жалоб»⁹.

«Не оплакивать, но почитать счастливым должно смертного, которого Бог наказывает за некоторые преступления и посещает земными страданиями: ибо он может быть уверен, что это происходит с благодетельными целями и что ему предстоит счастливая будущность, как скоро будут достигнуты эти цели. (...) Бог, Существо премудрое, всеправедное и всеблагое, посылает на людей земные страдания, чтобы подвигнуть их к исправлению»¹⁰.

«Праведник (...) в том лучшем мире за все страдания получит от Бога вознаграждение. Сия уверенность прольет благодетельный свет на мрачную стезю нашего земного странствования и никогда не позволит нам произнести на Бога тех жалоб, которые исторгло у страждущего Иова чувство его болезней и жестокое подозрение его друзей»¹¹.

Совсем как в хорошо знакомых нам «объяснениях» того, чего *не додумали* классики мировой литературы, не вооруженные единственно верным классовым подходом. Как будто Бог в конце книги Иова не признал страдающего праведника *более правым* пред Ним, чем трое его обличителей с их благонамеренными речами!

Как мы знаем, особенно мучили Достоевского страдания детей. Но для нашего толкователя и здесь нет никаких затруднений: «Дети злодея должны нести наказание за несправедливость их отца, если над ним самим не разразилось мщение. Ибо Бог так устроит, что потомки его впадают в бедственные обстоятельства...»¹² Природные бедствия тоже неплохи: землетрясения, например, «так громко проповедают трепещущим смертным о всемогуществе Виновника природы»¹³.

Полагаю, что столь нелестный отзыв Достоевского вызвали именно комментарии такого рода, в которых крайне упрощается и по сути отрицается вся трагическая проблематика книги Иова, да и человеческого существования вообще.

Автор перевода и примечаний в книге не указан, и Достоевский, вероятно, имени его не знал. Однако нам оно известно: то был тогдашний епископ Вятский Агафангел (Соловьев)¹⁴, составитель не только анонимных переводов, но и анонимных

доносов на других переводчиков Священного Писания — двумя десятилетиями раньше, когда Синод не одобрял такую переводческую деятельность...

Дополнительным и бесспорным доказательством того, что Достоевский читал в Эмсе именно перевод еп. Агафангела, являются выписки из книги Иова, сделанные в процессе работы над «Подростком» (16; 140—141)¹⁵. Хотя Достоевский здесь не всегда выписывает дословно, все же не остается сомнений, что в основе лежит текст вятского издания. То же, хотя и не с такой надежной уверенностью, можно сказать об упоминавшемся пересказе 1-й главы Иова в «Братьях Карамазовых».

¹ Ефимова Н. Мотив библейского Иова в «Братьях Карамазовых» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994. С. 121—131.

² Там же. С. 125.

³ Там же.

⁴ См.: Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 79.

⁵ См.: Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1922. С. 68.

⁶ Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 497.

⁷ См.: Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919. С. 155.

⁸ Книга Иова в русском переводе с краткими объяснениями. Вятка, 1860. С. 169.

⁹ Там же. С. 47.

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же. С. 168.

¹³ Там же. С. 81.

¹⁴ См.: Корсунский И. Филарет, митрополит Московский, в его отношениях и деятельности по вопросу о переводе Библии на русский язык. М., 1886. С. 185; Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., [б. г.]. С. 50.

¹⁵ Ср.: Иов 5 : 26; 6 : 26; 8 : 9—14; 9 : 31; 13 : 5; 13 : 12; 15 : 9, 16; 30 : 15; 42 : 17 в указанном переводе.